

УДК 347.162+347.164

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ОГРАНИЧЕННЫХ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ
И НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ГРАЖДАН В СВЕТЕ РЕФОРМЫ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

С.Б. Селецкая

Аннотация

На основе исторического анализа учения о правосубъектности недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан проведено исследование вступивших в силу изменений действующего законодательства в отношении названных категорий физических лиц. Выявлена относительная рецепция римского частного права и Свода гражданских законов Российской империи на формирование норм, регулирующих правовое положение недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан. Обоснована эффективность вступивших в силу изменений, направленных на защиту прав данных граждан, а также необходимость включения в основания для ограничения гражданской дееспособности категории *расточительство*.

Ключевые слова: физические лица, правосубъектность, дееспособность, недееспособные граждане, ограниченные в дееспособности, душевнобольные, вменяемость, психическое расстройство, расточительство.

Концепция развития гражданского законодательства (далее – Концепция) внесла значительные коррективы в правовое регулирование гражданского оборота. Основная цель правовых новелл – наиболее вероятная стабилизация правового регулирования гражданских отношений. Правовая реформа затронула многие гражданско-правовые сферы, в том числе правосубъектность недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан, что будет рассмотрено в настоящей статье. Наш интерес к данному предмету связан со вступлением в силу в 2015 г. изменений в гражданском законодательстве, касающихся оснований для признания граждан недееспособными и ограниченными в дееспособности и их правовых последствий. Поскольку эти изменения направлены на совершенствование механизма защиты прав и законных интересов граждан, которые по указанным в законе основаниям лишены или ограничены в дееспособности, считаем, что исследование обозначенной проблематики имеет важное теоретическое и практическое значение.

Прежде всего следует отметить, что правовое положение граждан, признанных недееспособными или ограниченными в дееспособности, является составной частью теории о гражданской правосубъектности. Это учение как система знаний о субъектах гражданских правоотношений имеет многовековую историю, без изучения которой сегодня невозможно объективно выработать современный

механизм охраны прав и законных интересов участников гражданских отношений. Поэтому в первую очередь рассмотрим некоторые положения, сложившиеся в цивилистической науке и представляющие для современников определенную догму о гражданской правосубъектности физических лиц, признанных недееспособными и ограниченными в дееспособности.

Современное представление о субъектах гражданского оборота формируется на анализе истории правовых учений, корни которых уходят в эпоху римского частного права. Еще до Рождества Христова римское право признало основным субъектом частных отношений римского гражданина (*persona*¹), наделив его «возможностью владения правами, т. е. правоспособностью, и... возможностью приобретения прав, т. е. дееспособностью» [1, с. 6]. И если под понятием правоспособности подразумевалось свойство лица быть носителем прав и обязанностей, то дееспособность воплощалась в способности субъекта права самостоятельно собственными действиями пользоваться правами и исполнять собственные обязанности. Изучив труды римских юристов, Ф.К. фон Савиньи пришел к интересному выводу: поскольку действия человека всегда связаны с разумом, римляне выделяли случаи полного свободного пользования разумом (для совершеннолетних, то есть достигших двадцати пяти лет) и случаи, препятствующие дееспособности, к которым относили в том числе безрассудство и признание лица недееспособным (см. [1, с. 223]).

Несмотря на то что безрассудство считалось естественным и бесспорным препятствием для совершения собственных юридически значимых позитивных действий, за свободными римскими гражданами, признанными безрассудными, сохранялась правоспособность, но приостанавливалась их дееспособность. Вместе с тем римское частное право, учитывая возможный временный характер безрассудства, предусматривало положение о том, что в моменты просветления любое совершенное действие считается действительным, будто до и после него не существовало никакого безрассудства. Таким образом, в этом случае применялась правовая фикция – один из «самых востребованных инструментов римской юридической техники» [2, с. 62].

Любопытно, что под случай безумия подпадала и высокая степень опьянения, а также гнев. С этим можно полностью согласиться и сегодня, поскольку при сильной степени опьянения либо в порыве гнева человек действительно не может осознавать значение своих поступков. Однако следует учитывать, что данные основания для признания сделки недействительной, согласно римскому праву, распространялись только на обязательственные отношения или распоряжение имуществом, но не на деликтные обязательства. Объективности ради следует отметить, что п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), прямо не выделяя названных оснований, все же предусматривает возможность признания сделки недействительной, если она была совершена недееспособным гражданином, который при ее совершении не был способен понимать значение своих действий или руководить ими.

Рассматривая безумный гнев, Ф.К. фон Савиньи указывает на существовавшее в период раннего римского права положение о том, что заявленное в гневе

---

¹ *Persona* (лат.) – маска; лицо – субъект права (ЛРС, с. 320).

расторжение брака не должно иметь последствий. В то же время он разъясняет, что римляне отличали от безрассудства «простое слабоумие», при котором лицо могло быть ограничено в дееспособности только в случае, если слабоумие достигнет высокой степени, что послужит поводом назначить попечителя такому гражданину с целью защиты его имущественных прав (см. [1, с. 258–259]).

К самостоятельному случаю, препятствующему дееспособности, римское право относило признание гражданина недееспособным вследствие расточительства. Такое лицо, по словам Ф.К. фон Савиньи, страдает «полным безволием» [2, с. 259]. Расточителями признавались лица, неразумно тратящие семейное имущество и тем самым ставящие под угрозу имущественное благополучие семьи и рода. Поэтому им, как и несовершеннолетним, приближающимся к половой зрелости, разрешалось совершать сделки, направленные лишь на приобретение имущества, а не на его отчуждение.

Поскольку перечисленные категории лиц в силу объективных причин не обладали способностью самостоятельно осуществлять свои права, в помощь им римское право сформировало институт опеки и попечительства, базовые постулаты которого были рецепированы всеми современными правовыми системами.

В правовой литературе при характеристике субъектов римского частного права достаточно часто обобщаются все случаи отсутствия свободного пользования разумом в виде категорий *ограниченные в дееспособности* либо *недееспособные* (см., например, [3, с. 78; 4, с. 46] и др.), хотя, как мы показали, между ними имелись достаточно существенные различия. Но, даже не вдаваясь в тонкости правового положения лиц, не способных самостоятельно совершать действия и осознавать в той или иной степени их правовые последствия, можно констатировать, что римское частное право стояло на страже имущественных прав и интересов участников хозяйственного оборота независимо от их психического состояния. Как показывает анализ правоприменительной практики, а также наше дальнейшее изыскание, положения, выработанные в римском частном праве относительно исследуемых категорий физических лиц, сегодня достойны признания и уважения.

Несмотря на рецепцию институтов римского частного права современным гражданским законодательством, которая нашла наиболее яркое проявление в Концепции развития гражданского законодательства РФ и федеральных законах, принятых в соответствии с ней (см., например, 302-ФЗ), для науки гражданского права не меньший интерес представляют научные взгляды правоведов императорского периода развития отечественной цивилистики. Так, Д.И. Мейер отмечает, что права физических лиц не одинаковы, они «зависят от различных обстоятельств, отчасти естественных, отчасти исторических» [5, с. 106]. К естественным обстоятельствам он относил, в частности, «ненормальное состояние умственных способностей» [5, с. 116]. Ученый справедливо критиковал нормы Свода гражданских законов Российской империи (далее – Свод законов), которые, по его мнению, не разграничивают существующие степени помешательства, а допускают лишь одно состояние – умалишение. Даже понятие о светлых промежутках (*lucida intervalla*), известное уже римлянам, отмечает Д.И. Мейер, чуждо нашему законодательству [5, с. 118]. А потому, делает вывод ученый, сумасшедшие с непостоянным признаком помешательства у нас

«или вовсе не признаются сумасшедшими и оттого легко могут подвергнуться убытку во время помешательства, или они признаются сумасшедшими, и тогда совершенно игнорируется их нормальное состояние» [5, с. 118].

Позиция, высказанная Д.И. Мейером, близка нашему восприятию норм гражданского законодательства до его реформирования, касающихся оснований признания гражданина недееспособным и правовых последствий такого признания. Ранее ст. 29 ГК РФ содержала общие положения о признании недееспособным гражданина, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. Таким образом, под такую формулировку могли подпадать все граждане с различной степенью тяжести психического расстройства, независимо от временного или постоянного характера болезни. Следовательно, в период просветления недееспособный гражданин с временным психическим расстройством лишен способности самостоятельно совершать какие-либо сделки. Иными словами, права недееспособного гражданина не были защищены в полной мере.

Изменения в правовом положении недееспособных были внесены Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. (302-ФЗ), предусматривающим, что при развитии способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц суд признает такого гражданина ограниченно дееспособным. При восстановлении способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими суд признает его дееспособным (п. 3 ст. 29 ГК РФ).

Вместе с тем ст. 365 и 366 Свода законов, в отличие от норм ст. 29 ГК РФ, лиц, не способных осознавать последствий совершаемых действий, разделяли на безумных, не имеющих здравого рассудка с младенчества, и сумасшедших, которым была свойственна временная потеря рассудка по случайным причинам. Из анализа указанных статей Свода законов можно сделать вывод, что до революционное законодательство не проводило четкой дифференциации различных степеней помешательства. Для признания гражданина сумасшедшим или безумным, как указывает Д.И. Мейер, существовал общий порядок: необходимо было освидетельствование, производившееся по инициативе родных или губернатора во врачебном отделении губернского правления в присутствии губернатора, вице-губернатора, председателя и прокурора окружного суда, одного из почетных мировых судей и депутатов от сословия, к которому принадлежит свидетельствуемый по своему состоянию; свидетельствуемому предлагались различные вопросы, касающиеся обыденной жизни или предмета помешательства (см. [5, с. 117]). Таким образом, Д.И. Мейер, отмечая несовершенство законодательства, видел лишь один способ решения данной проблемы – при освидетельствовании применять индивидуальный подход к данной категории граждан с целью защиты их гражданских прав (например, обязательно учитывать мнение членов семьи или родственников). По нашему мнению, индивидуальный подход в регулировании отношений с участием недееспособных или ограниченных в дееспособности граждан требуется и сегодня, поскольку только так можно защитить права и законные интересы лиц, ограниченных в совершении самостоятельных действий или лишенных такой возможности.

Большое внимание данной проблеме уделял в своих работах и Г.Ф. Шершеневич, который справедливо отмечал, что в дееспособности следует различать активную и пассивную стороны, а последняя иначе называется вменяемостью (см. [6, с. 105]). Интересно заметить, что ученый, характеризуя волевою способность субъекта и его психическое состояние, использует термин *вменяемость*, содержательная сторона которого идентична современному восприятию: вменяемый – лицо, способное по своему психическому состоянию сознавать значение своих действий и управлять ими (ТСРЯ, с. 87). Вывод вытекает достаточно простой: степень вменяемости, а соответственно, и дееспособность гражданина зависят от его психического состояния. Признаем, что данное заключение, описывающее гражданскую дееспособность, является неопровержимой догмой, существующей вне времени.

Продолжая свое исследование, Г.Ф. Шершеневич безумных и сумасшедших лиц, указанных в ст. 365 и 366 Свода законов, условно называет душевнобольными [6, с. 130–131]. Предложенное обозначение является собирательным и указывает исключительно на психическое состояние субъекта. Следует сказать, что данный термин имеет широкое применение на практике, причем как ранее, так и сейчас. Вместе с тем эта категория имеет правовое значение только в том случае, если душевнобольной в порядке, установленном законом, признан недееспособным и над ним установлена опека (ст. 374¹ Свода законов, ст. 29 ГК РФ). Соответственно, сделки, совершенные таким лицом, будут классифицированы как ничтожные (ст. 376 Свода законов, ст. 171 ГК РФ). Проведенный анализ позволяет сделать важный вывод о преемственности норм гражданского законодательства.

Своеобразие положения лиц с непостоянным признаком помешательства, объяснял Г.Ф. Шершеневич, состоит в том, что они не могут осознавать последствий совершаемых ими действий только в период обострения болезни. Поэтому, с одной стороны, достаточных оснований для признания таких лиц недееспособными нет, но, с другой – ввиду особенностей психики у таких лиц нельзя четко провести грань между периодами, когда они осознают последствия совершаемых действий, а когда нет. Потому дееспособность лиц с непостоянным признаком помешательства Г.Ф. Шершеневич определял как «ограниченную вследствие душевной болезни» [6, с. 130–131]. Полагаем, что названная категория дееспособности позволяет более четко определить правовой статус лиц, временно не осознающих своих действий [7, с. 146], а потому считаем целесообразным ввести в научный оборот категорию *ограниченная дееспособность вследствие душевной болезни*.

Исследование правового положения ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан в дореволюционный период развития гражданского права будет неполным, если не уделить внимание положению слабovolных лиц, неразумно относящихся к семейному имуществу. К обстоятельству, влияющему на гражданскую дееспособность, Г.Ф. Шершеневич относил расстройство имущества, включающее расточительность и несостоятельность гражданина [6, с. 132]. Расточительность влекла за собой ограничение дееспособности. Основанием для ограничения дееспособности, по словам Г.Ф. Шершеневича, «может служить бесцельность трат безотносительно к доходности» [6, с. 132]. Согласно

толковому словарю расточительство – это множественная и нецелесообразная трата, расходование чего-либо, мотовство (ТСРЯ, с. 666). Гражданин мог быть признан расточителем только в установленном законом порядке, после чего он лишался гражданской дееспособности в сфере имущественных отношений и над ним устанавливалась опека.

Следует признать, что категория *расточительство* была известна и римскому частному праву, и законодательству дореволюционного, а также советского периодов. Так, ст. 8 ГК РСФСР 1922 г. предусматривала основанием для признания гражданина недееспособным чрезмерную расточительность, вследствие которой разоряется принадлежащее гражданам имущество. Однако ст. 30 ГК РФ данную категорию уже не употребляет, а устанавливает основания, перечень которых является закрытым, для ограничения гражданина в дееспособности. К ним законодатель относит злоупотребление гражданином спиртными напитками или наркотическими средствами, которое ставит семью в тяжелое материальное положение.

Исчерпывающий характер оснований ст. 30 ГК РФ ранее не позволял в ряде случаев ограничить гражданина, неразумно тратящего денежные средства семьи. А потому имущественные права членов его семьи не были защищены. В этой связи п. 15 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. дополнил правила п. 1 ст. 30 ГК РФ новым основанием – пристрастие к азартным играм. Вместе с тем категория *расточительство* и ее критерии, выявленные Г.Ф. Шершеневичем, значительно содержательнее оснований, предусмотренных ст. 30 ГК РФ для ограничения гражданской дееспособности. Поэтому мы видим необходимость использовать категорию *расточительство* в действующем законодательстве, в частности в ст. 30 ГК РФ, как более емкую, включающую различные случаи возможного ограничения дееспособности граждан по причине неразумной траты, влекущей разорение имущества, что ставит семью в трудное материальное положение. Считаем, что введение категории *расточительство*, *расточительность* в гражданское законодательство позволило бы с развитием общественно-экономических отношений предупредить возможное появление новых оснований для ограничения гражданской дееспособности, помимо предусмотренных п. 3 ст. 29 и п. 2 ст. 30 ГК РФ. Таким образом, предлагаем абзац 1 п. 1 ст. 30 ГК РФ изложить в следующей редакции:

«Гражданин, который вследствие чрезмерного расточительства, в том числе пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство».

В настоящей статье мы попытались путем сравнительного анализа провести параллель между современными нормами, регулирующими правовое положение ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан, и законодательством прошлых лет. Вывод очевиден: нормы действующего законодательства построены на рецепции правовых норм прежних лет, изучении цивилистических традиций и опыта правоведов дореволюционного периода, но с учетом современных особенностей развития гражданского оборота. Конечно, реформа

гражданского законодательства находится на начальном этапе, а потому перед обществом стоит важная задача – постепенно отходить от старых стереотипов, формировать новые подходы в регулировании тех или иных гражданских отношений. И только осмысление цивилистического наследия, веками накопленного опыта поможет решению данных задач.

Summary

S.B. Seletskaja. The Legal Status of Citizens Limited in Capacity and Incapacitated in View of the Civil Law Reform.

Based on the historical analysis of the doctrine of legal personality of citizens who are incapacitated and limited in capacity, the study of changes that have come into force in the current legislation relative to the above categories of natural persons is performed. The relative reception of Roman private law and civil law of the Russian Empire in the formation of norms regulating the legal status of citizens who are incapacitated and limited in capacity is revealed. The effectiveness of changes that have come into force and aim to protect the rights of these citizens, as well as the necessity to include the category of *spendthrift* in the grounds for limiting the civil capacity, are proved.

Keywords: natural persons, legal personality, civil capacity, incapacitated citizens, citizens limited in capacity, mentally diseased citizens, sanity, mental disorder, spendthrift.

Источники

- ГК РСФСР – Гражданский кодекс РСФСР от 31 окт. 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/grazhdanskiy-kodeks-rf-gk-rf>, свободный.
- Концепция – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства // Вестн. ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 6–99.
- ЛРС – Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / Авт.-сост. М. Гамзатов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 506 с.
- Свод законов – Кодификация российского гражданского права. Свод законов гражданских Российской Империи. Проект Гражданского уложения Российской Империи. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. – Екатеринбург: Изд-во Ин-та частн. права, 2003. – 927 с.
- ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: А ТЕМП, 2004. – 939 с.
- 302-ФЗ – Федеральный закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (Часть I). – Ст. 7627.

Литература

1. *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права: в 8 т. / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2012. – Т. 2. – 572 с.

2. *Ширвиндт А.М.* Фикция в законодательстве об опеке // Древнее право. – 2011. – № 26. – С. 62–85.
3. *Косарев А.И.* Римское частное право. – М.: Юриспруденция, 2007. – 192 с.
4. *Яровая М.В.* Римское частное право. – СПб.: Питер, 2006. – 191 с.
5. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. – М.: Статут: Консультант Плюс, 2003. – 830 с.
6. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права: в 2 т. – М.: Статут, 2005. – Т. 1. – 460 с.
7. *Селецкая С.Б.* К вопросу о гражданской правосубъектности ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан // Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рожд.): Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 1–2 марта 2013 г.). – М.: Статут, 2014. – С. 145–147.

Поступила в редакцию
20.07.15

Селецкая Стелла Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: seleckaya@inbox.ru